

Наталья Ключарёва
Иван Иванович из Африки

Когда я перешла в эту школу, травля была уже в самом разгаре.

Я не заметила, как он очутился в классе. Двадцать восемь глоток орали так, что закладывало уши. Звонка, разумеется, не было слышно.

И всё-таки через некоторое время я на своей последней парте почувяла что-то неладное. Мои новые одноклассники продолжали самозабвенно вопить, бегать между рядами, скакать по подоконникам.

А за учительским столом сидел печальный седой человечек в шерстяной кофте.

Человечек глядел в стол, горбился и так глубоко засовывал руки в карманы кофты, будто хотел спрятать туда и всё остальное тело. Залезть в собственный карман. И отлежаться там, в тёмной вязаной норе.

Мне почему-то стало трудно дышать.

— Кто это? — спросила я соседку по парте, пучеглазую Оленьку.

Оленька взахлёб пересказывала двум девочкам, сидевшим впереди, какой-то сериал. Меня она услышала только после тычка локтем. Оленька возмущённо взвизгнула и протараторила, не оборачиваясь:

— Иваныванычпоалгебре.

Пауз между словами она не делала в принципе.

Тут я увидела, что на доске появилось несколько уравнений. Как-то сразу стало понятно, что решать уравнения на уроке алгебры здесь не принято. Этого не делал никто, даже самые последние изгой.

я открыла тетрадь и стала переписывать иксы и игреки.

На человечка в кофте я не смотрела. Иксы расплывались перед глазами, будто у меня вдруг резко испортилось зрение. Перебирали синими ложноножками, дёргались и бесились. Как все вокруг.

Мой саботаж быстро заметили. Вопли стали стихать, уступая место зловещим шепоткам и смешочкам. Я понимала, что нарушаю закон своей новой стаи.

Но продолжала решать.

Почему-то было совсем не страшно.

Но вдруг я почувствовала, что надо мной кто-то стоит. И напряглась в ожидании какой-нибудь пакости. Подняла глаза и увидела... вязаные карманы.

Иван Иванович развернул к себе мою тетрадку и стал в неё изумлённо вглядываться. Увидеть уравнения он, видимо, всё равно не ожидал. Несмотря на своё отчаянное путешествие на край класса.

Потом Иван Иванович прошелестел:

— Bien, tres bien...¹

Голос был похож на грязную доску, всю в старых меловых разводах. Такой же засохший и пыльный. Будто им пользовались крайне редко.

— Me comprenez-vous?²

Я кивнула. Школа у нас была с французским языком. Чего же тут не понять.

Иван Иванович вернул мне тетрадь. Расплывшиеся синие иксы были окружены частоколом исправлений, а внизу под резкой наклонной чертой стояла аккуратная двойка.

Вокруг заржали. Стиснув зубы, я написала под красной двойкой: «Работа над ошибками» — и стала переписывать уравнения.

1 Хорошо, очень хорошо (франц.)

2 Вы меня понимаете? (франц.)

Вдруг на тетрадь опустилась гора. Так мне показалось в первую секунду. Но это была не гора, а задница переростка Ваганова.

— Хочешь стать великим математиком? — пробасил он.

Вокруг глаз у Ваганова темнели круги, как у маньяка из фильмов. А лицо блестело, будто ему на голову вылили бутылку масла.

Сердце у меня заколотилось сразу во всем теле. Дыхание сбилось. Но я заставила себя посмотреть на Ваганова. И ответить:

— Нет. Не хочу.

— А чего же ты хооооооооооочешь? — протянул Ваганов, закатив глаза, будто пел романс в филармонии.

Стая зашлась смехом. Но вскоре все замолкли и уставились на меня в ожидании ответа.

— Я хочу, — проговорила я, еле ворочая деревянным языком, — чтобы ты. Убрал. Свой зад. С моей тетради. Ясно?

Класс снова заржал. Но уже одобрительно. Ваганов озирался в поисках поддержки. И тут прозвенел звонок.

— Ладно, живи пока, — разрешил переросток.

Шли дни. Серые, холодные, как макароны в школьной столовке. Постепенно со мной стали разговаривать. Чаще всего Оленька, просто не способная молчать. Оленька знала всё и про всех. Она сообщила мне, что Иван Иванович несколько лет преподавал в Африке, в одной из бывших французских колоний. Где и набрался «пагубных демократических замашек», как повторяла Оленька вслед за взрослыми.

Иван Иванович никогда не повышал голос, не заставлял, не наказывал, не писал замечаний в дневник. Он считал это проявлением неуважения. Наш 7 «В» счёл это проявлением слабости.

Каждый урок стая проверяла, как далеко он позволит зайти. А Иван Иванович только всё глубже прятал руки в карманы кофты. И они заходили всё дальше. Так, что уже самим делалось не по себе. И ждали, когда, ну, когда же, он наконец наорёт.

Но Иван Иванович не орал. Иногда у него синели губы. Он вставал и уходил, держась рукой за стену.

Разговаривал он только со мной. И всегда по-французски.

Двойки мои по алгебре сменились тройками. Выпал первый снег. Кончилась первая четверть.

После каникул класс привычно драл глотки в ожидании алгебры. И вдруг дверь кабинета отлетела в стену. На пороге стояла укротительница. Зажатая в кулаке указка казалась хлыстом. Платье переливалось зловещими цирковыми блестками.

Она стояла так довольно долго, давая себя рассмотреть. 7 «В» сначала перестал орать. Потом дышать. А она всё стояла и молчала, не сводя с нас тяжёлого взгляда. Когда она наконец заговорила, это было такое облегчение, что слова могли быть уже совершенно любыми.

— С сегодняшнего дня, — медленно произнесла она, — на уроках алгебры будет всегда мёртвая тишина. Вот как сейчас.

И с того дня на уроках алгебры была всегда мёртвая тишина.

Иван Иванович в школе больше не появлялся. Что с ним стало, не знала даже Оленька. Да никто особо и не интересовался. Его постарались поскорей забыть.

А я почему-то верю, что Иван Иванович вернулся в свою Африку. И говорит по-французски с толпой мультяшных негрятят, как Бонифаций. А они слушают его, раскрыв рты. В какой-нибудь школе из пальмовых листьев.

И вязанная кофта ему больше ни к чему. Ведь он наконец-то согрелся.